

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-68-80



АНТОНЯН ЮРИЙ МИРАНОВИЧ

Всероссийский научно-исследовательский институт
МВД России (Москва, Россия)

antonyaa@yandex.ru

ВОССОЗДАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. В статье представлен общий обзор достижений и упущений современной отечественной науки криминологии. Отмечается рубеж, с которого начинается воссоздание этой науки в 50-х годах прошлого столетия, в связи с чем анализируется научное творчество А.Б. Сахарова, И.И. Карпеца, А.А. Герцензона, В.Н. Кудрявцева и других исследователей, воссоздавших российскую криминологическую науку. В настоящее время наблюдается снижение активности в познании явлений криминологического ряда, несовершенство методов сбора эмпирической информации, недостаточное использование достижений других наук.

Ключевые слова: криминология, преступность, личность преступника, преступное поведение.

Для цитирования: Антонян Ю.М. Воссоздание отечественной криминологии и ее современное состояние // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 68-80; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-68-80

ANTONYAN YURI M.

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation (Moscow, Russia)

THE RECONSTRUCTION OF RUSSIAN CRIMINOLOGY AND ITS CURRENT STATE

Annotation. The article presents a general overview of the achievements and omissions of the modern Russian science of criminology. The milestone is marked from which the reconstruction of this science begins in the 50s of the last century, in connection with which the scientific work of A.B. Sakharov, I.I. Karpets, A.A. Herzenzon, V.N. Kudryavtsev and other researchers who recreated Russian criminological science is analyzed. Currently, there is a decrease in activity in cognition of criminological phenomena, imperfection of methods for collecting empirical information, insufficient use of achievements of other sciences.

Key words and word combinations: criminology, criminality, criminal personality, criminal behavior.

For citation: Antonyan Yu.M. *The reconstruction of Russian criminology and its current state // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia.* – 2024. – № 1 (69). – P. 68-80; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-68-80

Криминология, как и многие другие науки, была разгромлена сталинским режимом еще в 30-х годах. Криминологические исследования лишились своей организационной базы в Москве и других городах. Публикации на криминологические темы отсутствовали.

Возродиться криминологические исследования начали, причем очень робко, с конца 1950-х годов с разрешения партийных властей. Такие исследования стали проводиться во Всесоюзном научно-исследовательском институте криминалистики Прокуратуры СССР, в Институте государства и права Академии наук СССР, во Всесоюзном институте юридических наук, в Научно-исследовательском институте милиции МВД СССР (ныне - ВНИИ МВД России). Этими учреждениями был осуществлен ряд интересных криминологических изысканий. Их проведение особенно активизировалось после того, как постановлением Совета Министров СССР от 30 мая 1963 г. был создан Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Этот институт на многие годы стал лидером в криминологической науке. Разработкой проблем преступности стали заниматься в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Свердловска, Саратова, Киева, Воронежа и других городов, а также в союзных учреждениях прокуратуры и органов внутренних дел.

Криминологические работы тех лет отличались тем, что, во-первых, их результаты были получены с помощью весьма несовершенных методических способов и на столь же ущербной методологической базе. Во-вторых, они часто представляли собой статистические обзоры в тех скудных пределах, в каких статистика была дозволена для всеобщего и даже ведомственного потребления. Все публикации, которые строились на материалах сплошной статистики, выходили в свет только с грифом «секретно». В-третьих, познание природы и особенно причин преступности в те годы осуществлялось чрезвычайно робко, в узких демагогических рамках,

разрешенных правящей партией. Поэтому соответствующие труды в основном носили описательный, а не объяснительный характер. В них подчеркивалась принципиальная возможность ликвидации преступности с построением коммунизма, всячески сглаживались серьезные противоречия в СССР, зато огромное внимание уделялось преступности и ее причинам в капиталистических странах, что всегда считалось прекрасной возможностью показать гибельность капиталистического пути развития и разоблачить буржуазные нравы.

Так, еще в 1951 году вышла книга А.А. Герцензона «Преступность в странах империализма». Теперь она уже забыта, но в послевоенный период это все-таки была первая большая криминологическая работа. Не следует забывать об этом важном обстоятельстве, хотя это была книга-разоблачение капитализма.

Подлинной вехой в истории криминологии стала книга выдающегося ученого А.Б. Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР», увидевшая свет в 1961 году. Конечно, и она была не свободна от идеологических напластований, но, несмотря на это, она уже явилась серьезным шагом вперед. И сейчас, читая ее через более чем полвека после опубликования, явственно ощущаешь, как теоретическая мысль мучительно находит пути решения проблем, прокладывая путь новым творческим поискам. Уверен, что монографию А.Б. Сахарова следует считать днем рождения отечественной криминологии.

Сахаров А.Б. различает уровни причинности в криминологии. Первый – это личность, индивидуальное преступное поведение и среда. Здесь внимание сосредоточено на специфике личности преступника и социально-психологических вопросах, причем надо отметить, что проблема личности поставлена во всей возможной (на тот период времени) полноте, и эта личность признается автором основным источником преступных действий. Криминогенный потенциал личности

определяется как индивидуалистическая установка, якобы неизбежная при классово-антагонистической организации общества. Естественно, что такое утверждение оказалось тупиком, из которого, в сущности, невозможно выбраться, хотя некоторая попытка и была предпринята: наличие индивидуалистической установки у отечественных преступников объяснялось отставанием сознания от бытия, влиянием капиталистического мира и экономическими условиями жизни людей.

Следует особо остановиться на отставании индивидуального сознания от бытия, возведенном в ранг одного из законов общественного развития. Это было великолепным изобретением советских «мыслителей», я даже не допускаю, что к этому могли приложить руку серьезные философы. Такое отставание было универсальным способом объяснить любой неблагоприятный поступок – от скопидомства до убийства. Но при этом, однако, неясно, от какого именно бытия имеет место отставание – неужели от нищенской тоталитарной жизни?

Общий вывод здесь был таков: глубина, стойкость, направленность антиобщественных взглядов и установок в сочетании с факторами внешней среды объясняют не только возможность антиобщественных проявлений, но и степень их общественной опасности, легкость, с которой субъект избирает подобный образ действий. Этой концепции можно дать очень высокую оценку, в первую очередь, имея в виду полноту охвата факторов, определяющих преступное поведение. В пользу такой оценки говорит и тот факт, что названный взгляд неоднократно повторен во множестве работ, хотя иногда и в несколько иных выражениях и с несущественными добавлениями. Но суть осталась прежней, что не может не вызывать сожаления, поскольку свидетельствует о том, что криминология в значительной своей части топталась на месте.

Много внимания уделил А.Б. Сахаров микросредовым факторам преступного поведения, впервые выделив семью, школу и неформальные малые группы в качестве самостоятельных объектов

криминологических исследований. Было подчеркнуто криминогенное значение недостатков в административно-хозяйственной и правоохранительной деятельности, организации быта и досуга людей, особенно молодежи, упущений в законодательстве.

Вскоре появились и другие работы, оставившие заметный след в криминологической науке. К ним относятся монографии: А.А. Герцензона «Введение в советскую криминологию» (1965) и «Уголовное право и социология» (1970), В.Н. Кудрявцева «Причинность в криминологии» (1968), И.И. Карпеца «Проблема преступности» (1969), Н.Ф. Кузнецовой «Преступление и преступность» (1969), А.М. Яковлева «Преступность и социальная психология» (1970), В.К. Звирбуля «Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности» (1971), А.А. Жалинского «Теоретические основы предупреждения преступности» (1974). Каждая из них вносила весомый вклад в криминологическую теорию, все они составили ту часть криминологии, без которой она немыслима как наука. Теоретические труды тех лет впервые показали обществу и государству, на чем должна строиться стратегия и тактика борьбы с преступностью, какие возможности может предоставить криминология для обеспечения законности и правопорядка в стране, чем важна эта наука для общества. После долгих лет сталинских репрессий криминология стала призывать к тому, чтобы видеть в преступнике прежде всего человека, который далеко не всегда может управлять своим поведением. Криминология способствовала смягчению общественных нравов и гуманизации общества. Представления об эффективности уголовных наказаний во многом стали формироваться под воздействием результатов криминологических изысканий. Криминология активно содействовала появлению на свет новых наук, прежде всего социологии уголовного права и криминальной (судебной) психологии.

Каждая из перечисленных работ конца 1960-х годов заслуживает

самостоятельного (и благодарного) анализа. Не случайно и сегодня их индекс цитируемости остается высоким. Но нельзя более обстоятельно не остановиться на вышедшем

в 1966 году учебнике «Советская криминология» – первом в СССР и в России. Его без преувеличения можно назвать классическим, прежде всего имея в виду структуру этого труда, которая по сей день соответствует основным направлениям криминологических творческих усилий и учебной работе.

Как свидетель тех лет замечу, что тогда в криминологии работать было очень интересно, поскольку все казалось новым, неизведанным, ждущим открытий. Некоторые результаты воспринимались как сенсации, имеющие огромное значение для страны.

В первые годы воссоздания отечественной криминологии особое внимание уделялось методике эмпирических исследований. Именно методике, а не методологии, которой, естественно, считалась марксистско-ленинская материалистическая диалектика. Но ею в криминологии, в общем-то, не интересовались, хотя указания на ее методологическую бесценную значимость фигурировали во всех работах вплоть до коммунистического краха. Разрабатывались и совершенствовались практически только социологические методы, прежде всего анализа статистики и анкетные. Но в те годы сама социология только-только становилась на ноги, и опыта применения социологических подходов и методов было мало. Тем не менее с их помощью впервые за всю историю советской криминологии был произведен целый ряд научных сообщений и анализов статистических данных о состоянии преступности и судимостях за длительный период как по стране в целом, так и по регионам и союзным республикам. Очень важно, что стали осуществляться выборочные исследования отдельных видов преступности, преступности в краях и областях, городах и сельской местности, а также личности преступника. Бесспорным лидером в такого рода работах был Всесоюзный научно-исследовательский институт прокуратуры; он же, главным образом, информировал высшие партийные и правительственные

инстанции о действительном состоянии преступности, а затем уже они принимали решения. Разумеется, делались очень оптимистические выводы. Так, утверждалось, что проявляется тенденция к снижению преступности [1].

Воссоздание отечественной криминологии проходило в аспекте борьбы по поводу соотношения биологического и социального. Надо отметить, что вообще вопрос о соотношении социального и биологического принадлежит к числу самых сложных в науках о человеке и человеческом.

В конкретных советских условиях он носил особый характер – политико-идеологический. Поэтому и дискуссии вокруг него, и приводимые аргументы в советской криминологии были не только и не столько научными, порой просто демагогическими, а подчас и непристойными, поскольку критики иногда опускались до уровня личных оскорблений.

Острота данной проблемы в коммунистической системе определялась тем, что она была намертво привязана к господствующему марксистско-ленинскому учению. Это учение было кровно заинтересовано в том, чтобы как можно больше усилить признание роли социальных факторов в личности и человеческом поведении. Такое усиление стало совершенно необходимым потому, что марксизм исходил из непреложной возможности относительно четкой социальной переделки человека и лепки новой – послушной, комфортной, усредненной, неприхотливой и нерассуждающей личности. Ее формирование могло быть таким же, как в антиутопиях Е. Замятина, О. Хаксли и Д. Оруэлла.

Напротив, укрепление взглядов о более высоком значении биологических факторов рисовало человека неустойчивым, сопротивляющимся попыткам превращения его в «строителя коммунизма». Разумеется, это была идеологическая диверсия – «незаконное» проникновение в «ангельски чистую» советскую юридическую науку «грязных и ложных» теорий. С этим было совершенно необходимо бороться всеми методами, в том числе репрессивными. Конечно, в 1960-е годы криминологов уже

не сажали в тюрьмы, но расправиться каким-нибудь иным способом вполне могли. Например, просто выгнать с работы и не давать никакой возможности опубликовывать результаты своих научных изысканий. Поскольку в науке господствовали вульгарные «социологи», постоянное поношение инакомыслящих было обеспечено.

Примитивизация криминологии путем вульгарной социологизации позволяла быстро и четко доказать, что только внешняя социальная среда, только ненадлежащее воспитание могли привести к совершению преступлений. Биологические задатки человека, его психика и психология не находили (и не находят сейчас) должного места в теоретических построениях относительно личности преступника и причин преступного поведения. Более того, уже с середины 60-х годов XX в. начали появляться работы, в которых подвергались резкой критике все труды западных криминологов. В них якобы господствовали биологические теории преступности, поэтому расправа с ними объявлялась первостепенной задачей. Особенно доставалось самой битой фигуре в мировой криминологии – Ч. Ломброзо. Считалось установленным, что биологизаторские учения развязывают руки для внесудебных расправ с теми, кто якобы может стать на путь совершения преступлений. Все такие учения однозначно клеймились как реакционные и даже фашистские, их критика стала немаловажной частью тоталитарного идеологического подавления общества. Это была война со свободомыслием.

Не надо думать, что все наши криминологи-«биологи» (их было очень мало) стояли на антисоветских позициях. Напротив, их интерес к биологическим проблемам подогревался как раз прекрасной возможностью продемонстрировать свою лояльность режиму. Схема рассуждений здесь было до убогости проста: если при социализме нет социальных причин преступности, то, следовательно, действуют биологические факторы или преимущественно они, поскольку «третьего не дано». Иначе говоря: некоторые люди настолько плохи,

что даже социализм им не поможет. Но до такой крамолы дело, естественно, не доходило, поскольку считалось, что социализм может все.

Основным пороком криминологических работ по проблеме «социально-биологическое» была не только огульная критика исследований западных криминологов (причем сами эти исследования в нашей стране не публиковались, о них знали только с голоса тех, кто их шельмовал). Другим, еще более серьезным недостатком, было то, что советские критики-криминологи не располагали абсолютно никакой эмпирической информацией о роли биологического в формировании личности преступника и преступного поведения. Это неудивительно, поскольку в СССР (а потом в России) такие исследования попросту никогда не проводились. Поэтому разоблачители биологических концепций, равно как и их сторонники, вынуждены были использовать данные из опубликованных трудов биологов о роли биологических факторов в человеческом поведении вообще, нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что в названных трудах преступные действия или личность преступника даже не упоминались. Очень часто участники дискуссий вообще никаких эмпирических сведений не приводили, ограничиваясь самыми общими соображениями и ссылками на почтенные труды друг друга.

Удивительно, но ни у кого не появлялось желания вначале провести конкретное исследование, а уже затем, используя его результаты, строить какие-то концептуальные схемы. Причина такого положения до обидного проста: организовывать и осуществлять криминологическое биологическое исследование, налаживать кооперацию с биологами сложно и хлопотно. Гораздо проще, обложившись трудами специалистов в области биологии (генетики), криминологии, режиссуры психиатрии, компилировать работы, которые, несмотря на всю их внешнюю полемичность и остроту, не прибавляли совсем ничего нового в науке и ничем не помогали практике. В этой области

криминология топталась на месте. С сожалением надо отметить, что подобная порочная исследовательская практика, осуществлявшаяся еще в начале 1960-х годов, оказалась очень живучей в отечественной криминологии. Так, многие исследователи, считающие себя теоретиками, никогда не опираются на собственные, эмпирические изыскания, считают возможным изучение, например, личности преступника лишь по материалам уголовных дел и уголовной статистики.

Но все-таки даже компилятивные криминологико-биологические работы ни в коем случае нельзя считать ненужными. Они зафиксировали определенный этап в развитии отечественной криминологической мысли и стимулировали дальнейшие изыскания в области познания причин совершения преступлений. Они, иными словами, позволили предположить наличие еще неизвестных науке внутренних механизмов, имеющих детерминистический потенциал. Они, наконец, наглядно показали, что наука человеческого профиля не может двигаться вперед лишь на основе абстрактного теоретизирования без глубоких эмпирических исследований. В этом особенно убеждают достижения в психологии, в частности психоанализа, аналитической психологии, трансперсональной психологии. Тем не менее в криминологии начала 60-х годов XX в. были сделаны первые шаги в познании личности преступника и причин преступного поведения, чем была заложена основа для будущих исследований природы и причин преступности в целом.

В послевоенный период первые «мощные» удары по буржуазным биологическим и биосоциальным концепциям причин преступности были нанесены во второй половине 60-х годов. Именно тогда в криминологической литературе появилось два больших очерка А.А. Герцензона «Против биологических теорий причин преступности». Они надолго определили развитие криминологической мысли и общую тональность теоретических криминологических исследований.

У меня нет желания подробно анализировать все достоинства и недостатки названных очерков. Но в качестве общей оценки хочу заметить, что

А.А. Герцензон проделал огромную работу по обобщению многолетних исследований зарубежных и отечественных ученых, изложил результаты и основные выводы этих исследований, разумеется, так, как он видел эти результаты. Поэтому труд А.А. Герцензона заслуживает похвалы, тем более что подобных аналитических обзоров в советской криминологии тогда не было. В этом его непреходящая ценность, в том числе в историческом плане. Вместе с тем необходимо отметить то, что вызывает активное неприятие.

Герцензон А.А. смело критиковал З. Фрейда, но, судя как раз по этой критике, довольно плохо знал работы последнего. Многие труды Фрейда, видимо, ему были просто неизвестны.

О том же, какое значение А.А. Герцензон придавал изучению личности преступника и как вообще он понимал значение преступника для объяснения преступности и ее причин, очень наглядно свидетельствует утверждение А.А. Герцензона, что медико-психиатрическое изучение преступника прямого отношения к криминологии не имеет. Оказывается, если психолог, медик, психиатр, антрополог начинают изучать криминологические явления, это неминуемо приводит к биологизации социального явления. Вывод: для «амнистии» неоломброзианства нет и не может быть никаких оснований. Борьба с буржуазной криминологией является частью той острой идеологической борьбы, которая велась и ведется советскими учеными на всех участках идеологического фронта [2].

Итак, наука – это фронт. Все остальное вытекает из этого.

«Опаснейшие» буржуазные криминологические теории буквально преследовали А.А. Герцензона, как святого – видения нагих дев. Их «развенчание» стало целью его жизни, он успешно продолжил его и в первом советском учебнике по криминологии (1966). Здесь, как, впрочем, и ранее, он «немножко» спутал психиатрию и психологию с биологией. Так, А.А. Герцензон с прискорбием писал, что в XIX в. «широкое распространение психологии и психиатрии обусловило попытки объяснить природу преступления, исходя из биологических особенностей людей, из их психофизической структуры».

Оказывается, «первоначально биологическая теория не выходила за рамки психиатрии» [3]. Все же люта опасность ломброзианских и неоломброзианских теорий в том, что они открывают дорогу для незаконных репрессий [3, с. 46].

Замечу, что это писал вроде бы многоопытный научный работник, который не должен смешивать психологию с биологией, еще в 1951 году опубликовавший упоминающуюся выше монографию «Преступность в странах империализма». Она полностью построена на большевистских концепциях и обильно оснащена ссылками на труды неистовых ревнителей законности – Сталина, Вышинского, Молотова, Суслова, Маленкова.

Все вышеизложенное о работах А.А. Герцензона в части критики им буржуазных криминологических теорий, особенно ломброзианства и неоломброзианства, вовсе не представляет собой попытку принизить роль этого ученого в становлении отечественной криминологии. Герцензон А.А. стоял у ее истоков и многое сделал для формирования ее основных проблем; в частности, он является создателем социологии преступности – важной части криминологии, одним из творцов структуры этой науки. С его самым активным участием подготовлен первый криминологический учебник – в те годы это было большое событие. Многие монографические труды А.А. Герцензона не утратили своей значимости по сей день. Критика им ломброзианства – это скорее социальный заказ или (и) прямое указание власти.

Я склонен думать, что период воссоздания отечественной криминологии закончился в год опубликования монографии В.Н. Кудрявцева «Причинность в криминологии» (1968). Этот труд открыл новую страницу в истории научных криминологических знаний. Он на многие годы определил основные направления творческих усилий, и если они были успешны, то в значительной мере обязаны этим названной работе. Думаю, что криминальная психология как наука берет в ней свое начало.

Со временем, при некотором ослаблении партийно-государственного гнета на науку и предоставлении некоторой свободы научной мысли, шаг за шагом, а затем все более наступательно криминологи стали уделять растущее внимание действительным причинам преступности в целом, ее отдельных проявлений, личности преступника, причинам индивидуального преступного поведения.

Ближе к концу советской эры появились криминологи, которые стали прославлять этот период, так сказать, с другого конца. В роли первооткрывателя выступил И.С. Ной, работу которого «Актуальные проблемы советской криминологии» можно расценивать как попытку подорвать основы этой науки в ее советском понимании. Мысль И.С. Ноя, которая легла в основу этой монографии, была проста: если советский строй и советское общество были непорочны и чисты, как первый снег, то причина преступности должна была корениться в самой биологии преступника. Ной И.С., несомненно, противоречил А.А. Герцензону, но они, взятые вместе, в сущности, обеляли советский строй.

Особое место в науке криминологии занимает творчество В.Н. Кудрявцева. Его монографии «Причинность в криминологии» (1988 г.), «Причины правонарушений» (1976 г.), «Генезис преступления», Опыт криминологического моделирования» (1998 г.), «Преступность и нравы переходного возраста» (2017 г.), «Борьба мотивов в поведении» (2007 г., 2017 г.) и ряд других книг, статей и учебников справедливо считаются классикой отечественной криминологии.

Яковлев А.М., обращаясь к работам Кудрявцева по криминологии, пишет: «Криминология расширяет ... предмет исследования, увязывая ... поведение с порождающими его причинами, условиями и обстоятельствами. Научное исследование любого предмета не может ограничиваться лишь его рамками, но требует включение данного предмета в более широкие, функционально с этим связанные структуры, что только и позволяет избежать объяснения предмета «из самого себя». В этом смысле важно учесть, что реакция государства на

нарушения уголовного закона есть лишь элемент более общей (и более сложной) структуры взаимодействия права и общественно значимого поведения людей» [4, с. 124]. В этом смысле знаменательно, что оригинальная работа В.Н. Кудрявцева, «открывающая» криминологическое направление исследований ученого, называется «Право и поведение». В ней автор рассматривает основные формы и возможности воздействия правовых принципов и норм на поведение отдельных лиц и коллективов, характеризует информационную функцию права, вносит предложения о повышении его роли в обществе.

Последнее обстоятельство в наиболее развернутом виде получило отражение в коллективной монографии «Эффективность правовых норм». Кроме научно обоснованного понятия эффективности правовых норм (соотношения между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты) в работе рассматривается соотношение эффективности и иных свойств социального действия норм и права, формируются основные методики прикладного социологического исследования рассматриваемой проблемы. Кудрявцевым В.Н. подготовлены § 1 «Понятие и классификация условий эффективности действия правовых норм», § 3 «Совершенствование правоприменительной деятельности» (в соавторстве с В.И. Никитинским) и § 4 «Уровень правосознания» гл. 3 «Общие условия эффективного действия правовых норм».

Анализ проблем, рассмотренных в монографии «Право и поведение», был продолжен в авторской работе ученого «Правовое поведение: норма и патология». На основе философской, социально-политической, юридической и психологической литературы, с учетом результатов социально-правовых исследований и материалов судебной практики, рассмотрено правомерное и противоправное поведение граждан, должностных лиц и коллективов в обществе. Автором введено понятие «правовое (т.е. урегулированное правом) поведение» и дана характеристика

«нормы». Как нам кажется, особый интерес представляют рассуждения ученого о правовом поведении, его природе и механизме правового регулирования, деформации поведения, природе противоправного поведения, причинах правонарушений и др.

В начале 90-х гг. прошлого века девиантное поведение личности находится в центре внимания В.Н. Кудрявцева. Достаточно указать, что в эти годы была подготовлена коллективная работа «Социальные отклонения. Введение в общую теорию», получившая высокую оценку научной общественности не только в России, но и зарубежных ученых-юристов. Как отмечается в литературе, был «... сделан новый шаг в изучении социальных отклонений, выяснении их природы, видов, причин, тенденций, равно как и мер борьбы с ними. В монографии более подробно рассмотрены нарушения правовых норм, хотя авторы этим не ограничиваются, анализируя и ряд основных аспектов отклонений от иных социальных норм (моральных, политических, этических и т.д.)» [5, с. 31].

Заметный вклад в криминологическую теорию внес М.М. Бабаев. Он впервые рассмотрел преступность как процесс, в темпоральном контексте исследовал проблему относительной самостоятельности и единства настоящего, прошлого и будущего преступности. Показал особенности ее формирования на каждом из этих трех этапов движения, характерные ошибки при оценке криминального прошлого, при широко распространенной практике объяснения «сегодняшнего» «сегодняшним». Акцент сделан на абсолютно нетерпимом положении с прогнозированием будущей преступности: в огромной стране с немалой преступностью есть только один прогностический центр – ВНИИ МВД России [6].

В соавторстве с Ю.Е. Пудовочкиным также впервые на монографическом уровне М.М. Бабаевым исследованы проблемы криминальной рискологии [7]. Актуальность этой тематики трудно переоценить. Мы живем в эпоху всеобщего риска, нельзя выделить место или временной интервал, где бы и когда бы не встречались риски; нет безрисковых видов деятельности. Но криминологи до

последнего времени не замечали (чтобы не сказать игнорировали) и эту проблему, и реальный вред, который на самом деле приносят риски, «отпущенные на свободу». Хочется верить, что уже недалеко то время, когда рискологическая тематика по праву займет свое место в ряду самых актуальных проблем современной криминологии.

Впервые введена в научный оборот в качестве относительно самостоятельного направления (отрасли) уголовной политики категория – судебно-уголовная политика [8]. Предмет исследования здесь – уголовная политика, реализуемая судом. Но суд не просто ее ретранслятор, а обладатель права решать уголовно-политические задачи с учетом собственных правовых позиций, т.е. проводить свою политико-правовую линию. Отсюда – относительная самостоятельность судебно-уголовной политики, целесообразность ее выделения и актуальность изучения.

Болевая точка криминологической науки – ее далекие от образцовых междисциплинарные связи. Поэтому в первую очередь обращают на себя внимание посвященные этой проблематике работы М.М. Бабаева, написанные им самим и в соавторстве с Ю.Е. Пудовочкиным. Акцент в них сделан на связях или, лучше сказать, взаимосвязях криминологии с уголовным правом и уголовной политикой. Во всех случаях четко просматривается стремление авторов интегрировать теоретические достижения смежных наук, сочетать их друг с другом, способствовать формированию интегративного знания о связи политической, уголовно-правовой и криминологической деятельности. Считаю, что здесь достойны упоминания и статья [9, с. 7-19], и глава в учебнике [10], и монография [11].

Бабаев М.М. первый в современной криминологии исследовал влияние социально-демографических процессов, в том числе миграции, на преступность.

В ряду классиков отечественной криминологии следует назвать Г.А. Аванесова, творчество которого, по моему, осталось недооцененным. Между тем

ему принадлежат фундаментальные труды, в числе которых в первую очередь следует назвать работы по криминологическому прогнозированию, особенно монографию «Теория и методология криминологического прогнозирования» (1972 г.). Он является основоположником теории криминологического прогнозирования и вытекающих из нее проблем профилактики преступности, в частности планирования мер борьбы с ней.

Аванесов Г.А. является автором более 15 крупных работ – монографий, учебников и учебных пособий. Только в XXI в. были опубликованы такие его книги: «Преступность и социальные условия. Криминологические рассуждения» (2010 г.), «Социальные образования и преступность. Криминологические рассуждения и заметки» (2011 г.), «Десять глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии» (2012 г.), «Популярная криминология. Очерки общей части» (2013 г.), «Общество. Личность. Мотивация» (2015 г.). Среди всех работ этого ученого я хотел бы особо выделить его фундаментальный труд «Криминология и социальная профилактика» (1980 г.).

В этой работе последовательно использованы ключевые разделы криминологии, в том числе ее предметы и методологии, функции, цели и задачи, истории развития, оценка возможностей и соотношение с другими науками и практикой, понятие и причины преступности, личность преступника и причины преступного поведения, методика эмпирических исследований, основы прогнозирования и теория социальной профилактики. По своим масштабам она занимает особое место в науке, в частности изложенное в ней учение о профилактике преступности весьма актуально и по сей день.

В анализированной монографии Г.А. Аванесова мне особенно близки его мысли о неразрывности причин преступности и причин индивидуального преступного поведения. Автор обоснованно считал, что переплетение в причинах преступности объективных и субъективных моментов требует

различного подхода к их анализу. Взаимопроникновение объективного и субъективного начал прослеживается на всех уровнях преступности. Это вызывает необходимость исследования объективных и субъективных причин в единстве и взаимосвязях [12, с. 87]. Полагаю, что постижение природы и причин преступности требует исследования не только общественных, в том числе исторических, явлений и процессов, но еще и самого человека как социального и биологического существа. Совершение преступлений неизбежно, но ни в коем случае не относительно отдельного человека, которого природа и общество наделили способностью выбирать линию поведения, а если он ею не обладает, то не может считаться преступником.

Подведем некоторые итоги, не претендующие на общую оценку отечественной криминологии в данное время.

Современная постсоветская криминология не могла не воспринять всех тех достижений и даже ошибок, которыми отличалась предыдущая эпоха. Это относится ко всем областям криминологической науки.

Тем не менее не сразу, постепенно стали изменяться научные представления о причинах преступности. Больше уже не стало утверждений о криминогенной роли отставания сознания от счастливого бытия или о тлетворном влиянии капиталистического окружения. Их место в начале, в 90-х годах прошлого века, заняла мысль (особенно в диссертационных работах) об утрате людьми высоких духовных идеалов о строительстве коммунизма, а их место не было занято ничем. Действительно, об этом немало писали ученые и публицисты и при этом напряженно искали новую идею, хотя она была на поверхности и давно ждала своего часа. Эта идея – о высоком материальном достатке человека и таком же уровне культуры, об обеспеченности его прав, чести и достоинстве. Что касается «высоких» коммунистических идеалов, то в них никто давно уже не верил, несмотря на потоки лжи, лившиеся из уст профессиональных болтунов, которые тоже в это не верили. Люди жили в обществе «строителей коммунизма», потому что родились

в нем и о строительстве его не думали, они просто жили так, потому что так жили все.

За весь постсоветский период истории России криминология как бы застыла и развивается очень медленно, в основном за счет кандидатских диссертаций. Однако от них не стоит ждать новых теоретических идей. В целом уровень и качество криминологических исследований еще нельзя признать удовлетворительными.

Прежде всего очень мало работ междисциплинарного характера, то есть совсем недостаточно совместных исследований криминологов с психологами (патопсихологами), психиатрами, биологами, этнологами и др. Можно предположить, что у отдельных людей есть биологическая предрасположенность к совершению преступлений, особенно насильственных, но не только их: поскольку многие корыстные правонарушения совершаются вследствие высокой тревожности, то вполне возможно, что последняя возникает на биологической почве. Подчеркиваю, что это мое предположение, а не утверждение, а поэтому оно нуждается в эмпирической научной проверке. Для меня несомненно, что современная гуманитарная наука должна развиваться в кооперации с другими науками, причем совсем необязательно гуманитарными.

В частности, кооперации с другими науками отличный пример подает криминалистика. Она «дружит» не только с юридическими науками (уголовным процессом, криминологией, гражданским процессом, административным правом), но и с рядом неюридических (судебной медициной (в том числе судебной психиатрией), химией, антропологией, рядом технических наук). Без такого сотрудничества криминалистику трудно себе представить.

Криминолог за все годы своего юридического обучения не получает достаточных психологических знаний, в должной мере не имеет представления о возможностях психологии в познании человека и социальных процессов. Юридическому сознанию социология, причем весьма упрощенно, всегда была ближе, чем психология и тем более психиатрия или сексология. Поэтому Ч. Ломброзо и немногих его последователей можно назвать находкой для

криминологии, помня при этом, что Ч. Ломброзо не был юристом.

Вот почему проблемы, например убийств и изнасилований, исследуются в основном социологическими методами, без необходимого проникновения в психологию субъекта, тем более бессознательную часть психики, без понимания действительных мотивов преступного поведения. Сексуальные преступления в большинстве случаев изучаются без применения сексологических подходов и методов, а тем более без участия ученых-сексологов. То же самое можно утверждать и относительно криминологического использования достижений психиатрии, биологии, истории, этнологии и других наук. Вообще научная эрудиция криминологов оставляет желать много лучшего.

Подавляющее большинство криминологов «живого» преступника никогда не видело, не проводило с ним клинических бесед, и не думаю, чтобы кто-нибудь из них проводил психологическое тестирование преступников. Не изучается «земная» деятельность, формирующая личность преступника, условия его семейного, школьного и трудового воспитания. Преступник даже в местах лишения свободы еще не стал объектом пристального и постоянного криминологического интереса. Боюсь, что криминологи, во всяком случае подавляющее большинство, видели преступников лишь на экранах кино и телевидения в актерском исполнении.

Из одной криминологической работы в другую, из одной диссертации, особенно кандидатской, в другую кочуют не очень нужные сведения демографического характера о преступнике: его поле, возрасте, семейном положении, образовании, занятости, наличии судимости и т.д. Они дают лишь самое общее, внешнее представление о нем, но не раскрывают причины совершенного им преступления, даже если человек ранее был неоднократно судим и не работал. Что может дать науке или практике такая информация: в автореферате одной кандидатской диссертации я прочитал, что 75% содержателей притонов разврата имели

незаконченное и среднее образование. Это конечно удивительно, поскольку на такую ответственную работу требуются специалисты высшей квалификации!

Особенно тоскливое впечатление производят криминологические сочинения, в которых сопоставляются полученные автором социально-демографические характеристики преступников с аналогичной информацией других исследователей. Например, по данным «Иванова», среди воров только 40% имеют семьи, а «у меня, Петрова» – 35%, причем это продолжается не годами, а десятилетиями. Ученые-юристы вообще очень любят цитировать других исследователей и ссылаться на их труды, но рекордсменом в этой области должны считаться специалисты в области уголовного права и криминологии. В одной монографии (13 п.л.), посвященной насильственной преступности, я насчитал более 1 300 ссылок на иные исследования, но при этом автором не была проанализирована личность и преступное поведение хотя бы одного человека.

В целом следует признать, что в данное время криминология, к сожалению, развивается недостаточно динамично. Вместе

с тем имеются и серьезные теоретические работы, я имею в виду монографию А.З. Рыбака «Криминология в человеческом измерении» (2020 г.). В этом фундаментальном труде особое внимание уделено личности и ее формированию, причем эти сложнейшие проблемы исследуются на этнологическом и филогенетическом уровнях с использованием различной философской и психологической информации. Высказаны соображения по поводу взаимосвязи между биологическим и социальным в человеке, о правосознании, мировоззрении. Сам автор в заключении подводит итоги своей работы следующим образом.

В первой главе речь идет о человеке как индивидууме, который вырастает в культурно-исторический контекст. Ее цель – показать, что не человека социализируют, а он сам социализируется. Культурно-исторический контекст служит

лишь ареной, на которой протекает внутренняя жизнь индивидуума. Но этот контекст содержится только в наших головах, нигде больше. Если сразу после рождения человек внутренне растворяется в мире вещей, то по окончании периода первичной социализации он растворен уже в социальном пространстве. В процессе первичной социализации люди для него лишь вещи, которые позволяют удовлетворить определенные потребности. Соблюдение нормативных предписаний, запретов, а равно их постулирование человеком этого уровня развития личности, происходит лишь постольку, поскольку ему это выгодно, и он в большинстве. Такой человек и других мучает, и сам мучается. Он постоянно носит тюрьму в своей голове, не зная, как из нее выбраться. Именно это обстоятельство при всем внешнем благополучии рождает ощущение экзистенциального одиночества, более известного криминологам как «исключенность». Вероятнее всего, на данном этапе развитие его личности заканчивается. Однако не для всех.

Вторая глава описывает те метаморфозы, которые могут происходить во внутренней жизни человека на этапе вторичной социализации. Здесь он уже существует не в мире вещей, а в мире людей, сначала сам становясь другим, а затем и другим даруя такое право. Если успешно удастся пережить кризис развития своей личности, постепенно к нему может прийти ощущение сущностной инаковости себя и других людей. После этого в психологическом смысле (намеренно) причинять вред другому он уже не может, поскольку это будет ощущаться как причинение вреда самому себе. Именно об этом говорил И. Кант, вводя в оборот свой «категорический императив» как подлинный моральный закон. Но одно дело прочесть об этом, другое – ощутить всем своим естеством.

Параллельно с процессом формирования и развития личности в первых двух главах освещался вопрос о развитии мировоззренческих систем. Тем самым было показано, как с ходом истории менялись представления людей о преступном. В означенном контексте выявлена прямая связь между социальными онтогенезом и филогенезом. Пунктиром показаны возможные сценарии

развития представлений людей о преступном в будущем.

Итог первых двух глав у любого нормального человека должен был вызвать ощущение пессимизма. Автор предпринял попытку усилить это ощущение до предела в третьей главе, приводя примеры новейших достижений в области нейробиологии. Попутно, конечно, предлагались некоторые пути выхода из тупиковой ситуации, хотя особых иллюзий по этому поводу питать не приходится. Приведенный в третьей главе материал лишь микроскопическая часть того, что нам может быть известно. Но нырнуть с головой в нейробиологию и утянуть за собой читателя цели и не ставилось.

В четвертой главе критическому анализу подвергнута современная методология научных исследований. Показан ее закрыто-системный характер, который не дает примирить теорию и эмпирию, науку и практику жизни, не позволяет получать достоверные знания и делать такие же выводы, весь новый опыт запечатывая в опыт имеющийся. В свете положений четвертой главы был сделан намек на то, насколько опасными могут оказаться положения той же нейробиологии, если они начнут использоваться не во благо человека. Бездна содержательности продолжит преследовать и здесь.

Наконец, последние две главы (пятая и шестая) посвящены уже поиску ответов на поставленные ранее вопросы, путям выхода из сложившегося гносеологического тупика [13, с. 292].

Это все очень интересно и не вызывает сомнений, как и высокая научная эрудиция автора, но возникает вопрос личности преступника и т.д. Об этом А.З. Рыбак сказал более чем скупое, но надо заметить, что подобного рода труды уже были, например у И.С. Ноя. Однако заслуживает одобрения сама попытка обратить внимание криминологов на первостепенное значение проблем, рассмотренных А.З. Рыбаком, особенно механизмы формирования личности и роли биологического в человеческих поступках.

При всем том, что криминология ни в коем случае не должна ограничиваться в собственной теории, сама эта теория, как и в любой другой науке, нуждается в развитии. Оно может быть обеспечено как более широким обращением к жизни, так и совершенствованием самих

криминологических методов, ростом профессионализма. Криминологи должны понять, что основной функцией науки является объяснение; поэтому следует отвергнуть труды, где такого роста нет, то есть отсутствует движение вперед, и не восхищаться работами, перенасыщенными цитатами.

Очень внимательно должна относиться криминология к социальным, особенно экономическим, переменам в российском обществе. Изменилось поведение людей и отдельных групп, иными стали социальные институты и коммуникации, способы достижения жизненного успеха, постоянно меняются отдельные статьи уголовного закона, жизнь и жизненные планы многих людей все больше стали опираться на собственность. Эти изменения затронули не только беловоротничковую верхушку преступности, но и ее низы. Потеря работы и обеднение широких слоев населения с одновременным выделением кучки сверхбогатых давно стали криминогенным фактором. Между тем роль бедности и проблем социального дна очень редко привлекает внимание криминологов – я имею в виду не простое упоминание об их отрицательной роли, а глубокое и развернутое исследование этих факторов в криминологии

Бедность стала обыденным явлением. Бедные люди теряют перспективу в жизни, они не живут, а проживают лишь сегодняшним днем; в их среде процветают пьянство, алкоголизм, проституция, бродяжничество, сквернословие, привычка решать проблемы с помощью грубой силы или воровства.

Возросли социальные риски даже для богатых и обеспеченных людей, поэтому они не перестают совершать хищения, брать взятки, уклоняться от уплаты налогов, что для них становится гарантом (и они ощущают это так) их материальной стабильности. В эту игру оказываются вовлечены и те, кто ранее не совершал таких корыстных преступлений. Вот почему боязнь «свалиться» вниз стала играть ведущую роль в преступном поведении тех, кто занят в управленческой и экономической деятельности.

Эти криминогенно значимые данные приведены здесь не для объяснения

причин преступности, а только для иллюстрации необходимости всестороннего учета изменений в социальной жизни. Конечно, такие изменения постоянно констатируются криминологами, однако далеко не всегда указывается, каковы каналы их влияния на преступность, какие социальные и социально-психологические механизмы здесь имеют место.

1. Советская криминология на современном этапе: материалы конференции. – М., 1973.
2. Герцензон А.А. Против биологических теорий причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967.
3. Криминология: учебник. – М., 1966.
4. Яковлев А.М. Краткий очерк научно-организационной и общественной деятельности академика В.Н. Кудрявцева // Государство и право. 1998. № 4.
5. Академик В.Н. Кудрявцев, опередивший свое время (к 100-летию со дня рождения). – М., 2023.
6. Бабаев М.М. Преступность как процесс (теоретические и прикладные проблемы изучения) // Российский криминологический взгляд. 2010. № 2.
7. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Очерки криминальной рискологии: монография. – М.: Юрлитформ, 2021.
8. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Судебно-уголовная политика: монография. – М.: Юрлитформ, 2022.
9. Бабаев М.М. Криминология и уголовная политика // Юристы-Правоведь. 2012. № 2 (51).
10. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов: в 3 т. Том 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – М., 2022.
11. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформации в эпоху социальных перемен. – М.: Юрлитформ, 2023.
12. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. – М., 1980.
13. Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении. – М., 2020.

Информация об авторе:

Ю.М. Антонян,

главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, изучения общественного мнения о полиции центра по исследованию проблем криминологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, анализа и прогнозирования преступности, социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, изучения общественного мнения о полиции, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный работник МВД, почетный работник высшего профессионального образования

About the author:

Yu. M. Antonyan,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of the Ministry of the Interior, Honorary Worker of Higher Professional Education, Chief Researcher of the Department for the Study of the Problems of Sociological Support of the Activities of the Internal Affairs Bodies, Study of Public Opinion about the Police of the Center for the Study of the Problems of Criminological Support for the Activities of the Internal Affairs Bodies, Analysis and Forecasting of Crime, Sociological Support of the Activities of the Bodies police investigating police

Статья поступила в редакцию 10.02.2024